

Татарские детские дома в городе на Неве в 1920-е гг.

В истории Советской России 1921 г. известен страшным голодом в Поволжье, на юге Украины и в Крыму, вызванным жестокой засухой, последствиями Гражданской войны и политикой большевиков. Со второй половины 1921 г. население Петрограда пополнилось беженцами из голодающих губерний Поволжья, татарами и башкирами, и численность мусульман увеличилась на 28 тысяч человек.

В октябре 1921 г. для татарских детей в Петрограде были созданы 13 детских домов. Татарские детские дома курировал татарский (мусульманский) отдел Комиссариата национальных меньшинств.

Не все дети были сиротами, но все были истощены, больны, нуждались в особом внимании и заботе¹. Детей размещали в свободных больших квартирах. На лето их вывозили на дачи в Разлив, Детское Село, в Петергоф, в Дудергоф, Сестрорецк.

В апреле 1922 г. были выделены отдельный дошкольный детский дом для детей от трех до восьми лет и детский дом для перевоспитания бывших бес-

призорников, поступавших из распределителя.

Вначале не хватало учителей и воспитателей, говорящих по-татарски. Дети, вывезенные из деревень, вообще не были знакомы с русским языком, что вызывало большие трудности.

В детских домах работали самоотверженные люди. Среди педагогов и обслуживающего персонала были представители разных национальностей: в документах встречаются не только русские и татарские фамилии, но и польские, финские, еврейские. Воспитатели-учителя часто менялись, так как не был продуман механизм отпусков. Со временем этот вопрос был решен, и воспитатели стали на две недели получать отпуска в дома отдыха, но в получении дополнительного отпуска даже при наличии медицинского удостоверения могли отказать с резолюцией «уволить, если не явится своевременно»².

Детские дома находились в одинаковых условиях, работали по общему внутреннему распорядку, поэтому на отдельных примерах можно проследить общую картину тех дней.

Здание, на первом этаже которого в 1920-е гг. располагался татарский детский дом, ныне — детский сад. Санкт-Петербург, Каменноостровский пр., 1/3, 2009 г. Фото автора.

В докладе заведующей татарским детдомом А. Легковой читаем: «Мы старались создать семейную обстановку. Сначала занятия велись только на родном языке, география и естествознание преподаются в виде бесед. Занятия до обеда, после обеда прогулка и занятия гимнастикой. В доступной форме ведутся беседы на политические темы. Два раза в неделю детей навещает доктор, ежедневно — медсестра»³.

Кормили детей, по сравнению с современными нормами, очень плохо, но для того времени четырехразовое питание было настоящим достижением: завтрак включал хлеб с маслом и чай с сахаром; обед — суп и каша с хлебом; ужин включал горох или кашу с хлебом; а еще был вечерний чай с хлебом.

Из доклада З. О. Булатовой, заведующей детским домом для девочек, занимавшим две квартиры на набережной Рошаля (ныне — Адмиралтейская набережная), становится известно о дополнительном питании в американской столовой и о том, что дети все-таки поправлялись. «Шефство над домом приняло Петроградское таможенное управление, шефы заплатили за квартиру, электричество, дали возможность про-

вести рождественский праздник, снабжают питанием и каменным углем. Питание — наиболее слабое и наиболее уязвимое место жизни детского дома. Питание малодостаточное и очень однообразное, наблюдается стоматит и заболевание цингой»⁴.

Школа-интернат имени Петроградского курсанта была организована в 1921 г. для детей курсантов и военнослужащих и сирот из Поволжья. Здесь воспитывались 300 детей татар и русских. Шефскую помощь оказывала Комиссия по борьбе с последствиями голода при Управлении военно-учебных заведений ПВО. Этот детский дом менял несколько раз городские адреса, переезжая с Литейного проспекта на Фурштатскую улицу, затем на 14-ю линию* Васильевского острова⁵.

А детдому на Моховой улице в 1922 г. было присвоено имя Погранбригады бывшего 127-го отдела Карельской трудовой коммуны стрелковой бригады. Эта бригада согласно заключенному договору должна была обеспечивать детдом продуктами (не ниже

* В этом здании на 14-й линии Васильевского острова еще в 1860 г. находился приют для женщин римско-католического вероисповедания.

установленных норм), поддерживать в порядке помещения и инвентарь.

Случались побеги детей из детдома с кражами. Этим отличались бывшие беспризорники, поступавшие из распределителей. И детский дом в Старой Деревне был домом для трудных и особо запущенных детей.

Воспитатели из татар одновременно были учителями не только татарского языка и литературы, они преподавали историю, обществоведение, математику и физику, природоведение и географию, естествознание и мусульманское пение*. Все учителя имели специальное образование, окончив еще до революции татарские учительские семинарии, медресе или гимназии, некоторые продолжали обучение в педагогическом институте. Во всех детских домах работали разнообразные кружки, воспитанники по собственному желанию посещали музыкальную школу⁶. Занятия проходили на русском и татарском языках, а вся общественная (пионерская) работа велась на русском языке.

Архивные документы передают атмосферу любви, внимания и заботы о детях, которые впитывали в себя царившие тогда идеи всеобщего равенства, братства, интернационализма. Заседания педсоветов в детских домах для школьников проходили в присутствии представителей от детей, которые имели право голоса, с ними решали текущие дела, планировали дальнейшую работу.

Администрация детского дома на ул. Скороходова, бывшей Большой Монетной, предлагала такую организацию самоуправления: «Каждая из старших девочек берет из младших мальчиков одного в братья, следит за его поведением»⁷.

Дети под руководством воспитателей издавали общую газету, объединявшую все татарские детские дома⁸.

Торжественные собрания для детей

* В данном случае речь идет о пении на татарском языке, так как до революции по отношению к татарам Поволжья, Урала и Сибири часто употреблялся термин «русские мусульмане». В данном случае архивные документы подтверждают использование этого термина в первые годы Советской власти.

и силами детей устраивались по случаю Нового года, годовщины смерти Ленина, событий 1905 г., Дня Февральской революции, годовщины Красной Армии, Дня Парижской коммуны, 8 Марта, 1 Мая.

Праздники обычно начинались докладом, далее следовали декламации на татарском языке, пьесы собственного сочинения соответствующие моменту, гимнастические упражнения: пирамиды, игры-танцы. Пели «Смело товарищи, в ногу», «Вы жертвою пали», «Красное знамя», «Варшавянка», «Прощальный напев Ленину», «Молодая гвардия»⁹. Заканчивались все мероприятия пением «Интернационала».

В сценарии праздника «Новый год» читаем: «Каждое время года имеет свой выход с танцами, дети поют песни на татарском языке о зиме. В заключение “Новый год” предлагает детям спеть любимую песню. Поют “Интернационал”, после чего “Новый год” раздает всем подарки»¹⁰. Время было тяжелое, тем не менее подарки детям делали.

«Печальное событие — кончина Владимира Ильича Ленина — явилось и является неисчерпаемой темой для бесед с детьми, — писали в отчете о педагогической работе в дошкольном детском саду. — В общей рабочей комнате устраивается уголок “Дяди Ленина”: траурный портрет, выписки из его речей и сочинений, имеющих отношение к детям, а так же к голодному периоду Поволжья»¹¹. Дети плакали, они привыкли к образу этого человека и любили его.

Праздновали десятилетие со дня начала Империалистической войны¹². Собирали детей на «Утро воспоминаний писателя Тукаева», где дети читали его стихи, рассказывали биографию, слушали рефераты, говорили о значении поэзии Г. Тукая¹³. Был и вечер очень популярного в те годы поэта Д. Бедного¹⁴.

В первых числах сентября проводился Международный день молодежи. Все детские дома принимали активное участие в городских манифестациях.

В середине сентября отмечали праздник урожая. Тема основного доклада «Урожай и голод». Дети разучи-

вали стихи «Несжатая полоса», «Колосья», «Урожай»*.

В 1924 г. состоялось массовое празднование Дня Октябрьской революции. 5 ноября во время учебы был устроен митинг, а вечером все собрались в детском доме на Большой Монетной улице для общего праздника. На следующий день дети посетили выставку в Клубе просвещения, 7 ноября отправились на манифестацию, а потом посетили братские могилы на Выборгской стороне¹⁵.

Среди архивных документов хранятся пригласительные билеты на русском и татарском языке, украшенные рисунками, — так дети приглашали на свои мероприятия членов татарского бюро Комнацмена.

Воспитанникам детских домов прививали необходимые бытовые навыки, готовили к самостоятельной жизни. Дети помогали обслуживающему персоналу, работали на кухне, помогали уборщицам, знали, что такое работа трубочиста, пекаря¹⁶. Мальчикам доверяли работу дворника: подвоз продуктов, чистку снега и мусора, рубку и колку дров, топку печей¹⁷. Дети сами стирали свое белье, для этого в прачечной для них отводились отдельные дни, а чердак для сушки белья был поделен на половины мальчиков и девочек¹⁸.

Ввиду скорой реэвакуации детей в Татарию и Башкирию, где хозяйство базировалось «главным образом на полководстве и животноводстве»¹⁹, в план работы было включено обучение на опытно-показательных участках Ленинградского сельхозинститута. Для детей были введены уроки краеведения, на которых они знакомились с природными, климатическими особенностями родных мест, «изучали культурные, хозяйственные и экономические достижения и особенности АТССР и АБССР», отмечали годовщины образования автономных республик²⁰.

В животноводческом кружке дети ухаживали за курами (часть яиц дет-

ский дом продавал) и за свиньями. Руководительнице приходилось проводить с детьми большую работу и длительные беседы о предрассудках, так как некоторые (видимо, татарские дети) категорически отказывались от такой работы²¹. Школой-интернатом было выкормлено 19 свиней, 15 из которых продали, а на полученные деньги купили четыре швейные машинки²². Летом воспитанники всех детских домов работали в огородах, выращивая овощи: капусту, огурцы, морковь и свеклу.

В швейных мастерских детей учили ремонтировать и штопать свою одежду²³. Мастерские интерната просили содействия у Татбюро для сообщения другим учреждениям, что они могут принимать заказы на выполнение сапожных, столярных, переплетных и швейных работ.

Детей водили на экскурсии в Эрмитаж, Русский музей, Этнографический музей, Музей революции, Зоологический музей, Ботанический сад. Частыми были посещения заводов, трамвайного парка.

Силами детдомовцев устраивались спектакли-концерты для рабочих и красноармейцев из татар.

10 марта 1924 г. из отделения детской опеки Татнаркомпроса попросили «для дальнейшего восстановления утраченной связи с родителями и родственниками [...] выслать списки на всех детей, находящихся в Петроградской губернии в детских учреждениях и у частных лиц»²⁴. Некоторых детей сами родители забрали еще раньше**. В 1925 г. состоялся массовый отъезд детей на родину.

В смету на реэвакуацию были включены: оплата трамвая до вокзала, железнодорожный билет, билет на пароход, проезд до деревни. Детей снабжали продуктами в дорогу и выдавали новое обмундирование (нижнее белье, платье, чулки, ботинки, пальто, панамки для девочек и рубашки, брюки, носки для мальчиков)²⁵. В поездке каждую группу сопровождали взрослые.

Для отправки домой достаточ-

* Однако попытка привить новый праздник урожая, видимо, не была успешной, поэтому уже через два года на общегородском уровне в Юсуповском саду при активном участии воспитанников татарских детских домов стали отмечать организованный Госрабтатклубом татарский народный праздник Сабантуй (см.: ЦГА СПб, ф. 2552, оп. 1, д. 2576, л. 31).

** Уже с 1923 г. детей стали забирать родители или родственники.

но было письма от родителей или родственников с удостоверением сельсовета и заявления самого воспитанника. В заявлении воспитанницы Магиры Сабитовой читаем: «Я приехала в Ленинград во время голода и разрухи в 1921 г. из города Казани. Ничего не знала, я была темная, в рваном. Никогда не забыть мне те минуты, те дни, когда многих детей собирали с улиц в детские дома и отправляли в те города, где урожай и хорошо поставлено учение. Мы приехали, нас одели, обули, открыли для нас школы. И мы начали учиться. В первые годы про нас говорили, что из нас никакого толку не будет, хороших людей не выйдет. Теперь они видят другую картину. В 1925 г. я окончила 1 ступень*, у меня есть надежда и стремление учиться дальше, а потому прошу Вас отправить меня на свою родину в Казань и дать командировку в педтехникум. Там я буду продолжать учение и постараюсь, чтобы из меня вышел полезный работник для советской власти, и заветы Ильича постараюсь провести в жизнь среди татарского населения»²⁶. Магира тоже получила письмо от своего родственника, который писал, чтобы она скорее возвращалась, что живут они тоже по-новому.

Братья Мухлисовы, получившие письмо от матери, обращались с просьбой отправить их немедленно домой, чтобы они могли успеть к началу полевых работ. Для проезда они просили «одежду, обувь, деньги и liter (до Казани, от Казани пароходом и 95 верст лошаадьми)»²⁷.

М. Г. Анвельт, возглавлявшая Комиссариат нацменьшинств Ленинграда, тоже получала письма от родственников детей. «Многоуважаемая тов. Анвельт! Сим прошу вас отпустить моих племянников Амину и Гамину Гисматуллинных, живущих во вверенном Вам интернате, домой ко мне. Я думаю, что они в дальнейшем могут жить при сестре своей в Москве. Выражаю Вам коммунистическую благодарность за оказанную помощь»²⁸.

После отъезда части воспитанников татарские детские дома реорганизовывались, сливались, переезжали в другие, более удобные помещения.

Дети-сироты оставались в Ленинграде до окончания срока обучения в школах при детских домах.

Выпускники детских домов получали направления для дальнейшего обучения на рабфак, курсы сестер милосердия, военно-морские училища и татарские техникумы или определялись на работу по найму²⁹.

Ленинградское татбюро совнацмена информировало вышестоящие организации Москвы и Казани о выпускниках, желающих продолжить учебу, и просило выделить для них места в Нижегородском татпедтехникуме, в Самарском педтехникуме, в Саратовском педтехникуме и Красноуфимском сельхозтехникуме на татарском отделении³⁰. На заседании Татбюро в 1927 г. говорили о том, что «2-летний опыт выпуска детей показал, что [направление] воспитанников в татаро-башкирские техникумы вне Лен[инградской] губернии сопряжено с большими огорчениями и страданиями детей на месте. Ссылаясь на существующее законодательство, на местах их отказываются принимать и платить стипендию или предлагают ЛенГубОНО** содержать своих воспитанников, что приводит совнацмен к заключению держать курс на устройство их в общих учебных заведениях Ленинграда с усилением занятий русским языком»³¹.

В 1927 г. в оставшихся в городе трех татарских детских домах находилось 240 воспитанников³². Работой руководил объединенный совет детских домов, а шефскую помощь оказывал завод «Знамя труда».

В 1927 г. в Татбюро начали обращаться родители с коллективными просьбами о введении в советских трудовых школах для татарских детей уроков родного языка, так как с ликвидацией татарских детских домов закрывались и школы при них. Дело осложнялось отсутствием в городе компактного татарского района и татарских авторов для создания национальных учеб-

* Т. е. 5 классов.

** Ленинградский губернский отдел народного образования

Супруги Юнусовы с сыном. Ленинград, конец 1920-х гг. Из личного архива И. Ш. Якубовой.

В. Якубова. Ростов-на-Дону, 1917 г. Из личного архива И. Ш. Якубовой.

ников. Однако со временем такие классы появились³³.

К сожалению, очень скупа информация об учителях и воспитателях, работавших с татарскими детьми в 1920-е гг. Известны некоторые подробности жизни супругов Юнусовых.

Юнусовы преподавали татарский язык и литературу. В. Я. Юнусова, закончившая медресе «Исламия» в Ростове-на-Дону, вела еще и уроки мусульманского пения. В 1917-1919 гг. она училась на 3-годичных педагогических курсах в Уфе, до 1921 г. работала народной учительницей в Красном Осырове Симбирской губернии, в 1921 г. прибыла в Петроград. Можно предположить, что с организованным на месте детским домом и начала работать в татарских детских домах³⁴. М. А. Юнусов сначала работал вместе с женой в детском доме на ул. Литераторов, затем в Старой Деревне. Коллеги ценили его «как опытного учителя и воспитателя,

успевшего проявить себя ценным и деятельным работником»³⁵. Десять лет спустя Мустафа Юнусов был арестован. После ареста мужа в конце 1930-х гг. Васфия Якубовна уехала из Ленинграда в Нижегородчину. В д. Камкино Горьковской области организовала детский сад, которым и заведовала.

В Санкт-Петербурге до сих пор существуют два детских сада по адресам бывших татарских детских домов: Каменноостровский пр., д. 1/3 и 1-я Березовая аллея, д. 5. Третий детский сад на ул. Рубинштейна, д. 12 находится в помещении, которое некогда занимал татарский рабочий клуб им. М. Вахитова, в котором частыми гостями были воспитанники детских домов. В доме на 14-й линии Васильевского острова также звучат детские голоса, там находится Детский социально-реабилитационный центр. На улице Литераторов в 1936 г. на месте бывшего приюта, в котором непродолжительное время существо-

вал татарский детский дом, построили по типовому проекту школу. Детско-юношеский центр технического творчества и досуга Приморского района города (бывший районный Дом пионеров и школьников) был создан на базе татарского детского дома, располагавшегося на острове Трудящихся, то есть Каменном. В особняке на ул. Фурштатской открыт Дворец бракосочетания.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб), ф. 2552, оп. 1, д. 1141, л. 2.
2. Там же, д. 2123, л. 57.
3. Там же, д. 1146, л. 31.
4. Там же, д. 1257, л. 8.
5. Там же, д. 1261, л. 3, 271, 274.
6. Там же, д. 1146, л. 28.
7. Там же, д. 1559, л. 47.
8. Там же, д. 1550, л. 5.
9. Там же, д. 1562, л. 85.
10. Там же, д. 1557, л. 1.
11. Там же, л. 22.
12. Там же, д. 1559, л. 25 об.
13. Там же, д. 2123, л. 4.
14. Там же.
15. Там же, д. 1251, л. 11.
16. Там же, д. 1555, л. 310.
17. Там же, д. 1560, л. 59.
18. Там же, д. 2125, л. 76.
19. Там же, д. 2126, л. 67.
20. Там же, д. 2576, л. 31.
21. Там же, д. 2125, л. 58.
22. Там же, д. 1555, л. 247.
23. Там же, д. 2125, л. 17.
24. Там же, д. 1251, л. 48.
25. Там же, оп. 2, д. 1189, л. 98, 115.
26. Там же, л. 136.
27. Там же, оп. 1, д. 2125, л. 179.
28. Там же, д. 1562, л. 142.
29. Там же, д. 2126, л. 13 об., 67, 78, 87.
30. Там же, оп. 2, д. 1496, л. 5.
31. Там же, оп. 1, д. 2576, л. 13 об.
32. Там же, л. 15.
33. Там же, л. 3, 13 об., 15, 12, 78.
34. Там же, д. 1560, л. 2.
35. Там же, д. 1149, л. 8, 33.

Альмира Тагирджанова,
краевед (г. Санкт-Петербург)

